

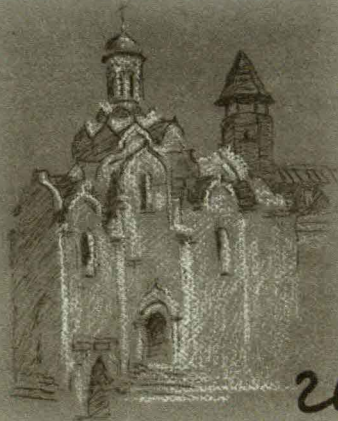
Слово и дело

"Обыватель всегда в чем-нибудь виноват, и потому всегда же надлежит на порочную волю его воздействовать".

Василиск Семенович Бородавкин, градоначальник города Глухова в 1779 — 1798 гг.

В основе сего рассказа лежит подлинный документ, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов. Заимствованные из него фразы, как и другие свидетельства источников, мы выделили кавычками; собственные же домыслы предоставляем суду читателей¹.

А. Г. АВДЕЕВ

Ивана Тимофеева, галичского крестьянина

Действующие ЛИЦА:

Тихон Никитич Стрешнев — боярин, глава Разрядного приказа в 1690 — 1701 гг². Состоял в ближайшем окружении Петра I. Четырьмя годами ранее описываемых событий, во время Великого посольства, оставлен был на управлении государством вместе с князем Ф.Ю. Ромодановским.

Тимофей Иванович Боборыкин — галичский воевода в 1698—1702 гг³. Рода древнего (гордился общими с Романовыми предками), но оскудевшего. На протяжении века XVII выше стольников в уездных городах не поднялся.

Данило Копосов — из посадских людей Копосовых, известных в Галиче с XVI в. Отец его, Никифор Богданович, городской иконописец, в 1666 г. участвовал в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Мастерство его высоко оценивал прославленный изограф XVII в. Симон Ушаков⁴. Сам Данило с 1692 г. служил подьячим галичской Приказной избы; с 1696 г. и до начала нашей истории — городской подьячий.

Илья Колесников — второй подьячий галичской Приказной избы из рода галичских подьячих, чьи представители — Кузьма и Семен Колесниковы — в конце 80-х гг. XVII в. служили в галичской съезжей избе.

Евдокимко Москолин — сторож галичской Приказной избы. Неграмотен.

Ивашко Тимофеев сын Толпачников — крестьянин села Сыноква Галичского уезда. Неприкаянная душа.

Андрюшка Борисов сын Маслов — житель Замоскворечья. Друг Ивашки Тимофеева. Человек к труду непривычный, вино же может пить семь месяцев кряду.

Никишка Самсонов — родом из Тулы. Квартирант Андрюшки Маслова. Имеет те же достоинства.

Ивашко Никифоров — его сын. Оправдывает поговорку "яблоки от яблони недалеко падают". На беду, остер на язык и полуграмотен.

Действие 1. 13 января 1701 г.

Явление 1. ГАЛИЧСКАЯ ПРИКАЗНАЯ ИЗБА

"Сего ж числа он, Ивашко (Тимофеев), пришел в Галич в приказную избу к брату своему сродному, к Мишке Тимофееву и принес ему хлеба, для того, чтоб Мишка сидит в приказной избе за решеткою, а в каком деле, того он, Ивашко, не ведает".

В злосчастный тот день вознамерился Ивашко не только выполнить христианский и братский свой долг, но и поддался бесу любопытства: решил разузнать, о чем сказано в письме, которое принес с собою из Москвы. С тем и обратился он к приказной избы сторожу Евдокимку Моколину.

Евдоким, человек "не грамотной", но участливый, согласился помочь, письмо "принял, и то письмо отдал вычесть Галицкие ж приказные избы подьячему Илюшке Колесникову".

Колесников взял листок без охоты, но тут же его как кольнуло: рисунок под текстом изображал благословляющую руку, сложенную в дуперстие. "И вычел он, Илюшка, то письмо", по прочтении же немедленно отправился к непосредственному своему начальнику" подъячему Данилу Копосову", который случился здесь же в Приказной избе.

Данила, сына Никифора Копосова, по ступеням государственной службы продвигался размеренно и уверенно, однако Бог весть когда мог бы вознестись на вершину городского управления, а то и повыше. Если бы не это письмо...

"Была почта из Пскова. Августа в сем числе явление было всем. Туша добра была на небе, с(н)ех был, велики(й) шум и гром, аки была стрельба ис пушек, и молния великая, да был град великой большой, в поларшин выпал..." — читал Данила, не веря своему везению и прикидывая: да, Илюшка нюх имеет, но самого-то главного и не сообразил: полным ходом идет следствие по стрелецкому восстанию 98-го года. Тем летом 50 московских стрельцов из Гундертмаркова полка, замешанных в смуте, сосланы были в Галич. А еще в следствии проходил дьячок села Клушина Можайского уезда Костка Сухарев, который списал из тетради своего шурина Фельки Грешищева заговоры, тот же, в свою очередь, "списывал... те заговоры... в Старицком уезде в приходе Мелутче у дворянина у Дмитрея Григорьева сына Обалешева, тому лет с пять и болши, с тетрадей же". С помощью этих заговоров дьячок пытался сделать восставших стрельцов неуязвимыми для пуль, за что был приговорен к отсечению головы. А здесь — явные знамения... И пушки помянуты неспроста...

— Евдокимко, говоришь, письмо передал? А подателя что, отпустил? Тогда быстро его сюда!

Придирчиво осмотрев насмерть перепуганного Ивашку, Данило распорядился из избы его не выпускать и, прихватив подметное письмо, с колотящимся сердцем, направился на двор воеводы.

Действие 1. 13 января 1701 г.

Явление 2. У ВОЕВОДЫ

Объявив Слово и Дело Государево, Данило попал к Тимофею Боборыкину тотчас:

— "Сидел я в Галиче в приказной избе, и галитские Приказные избы подъячей Илюшка Колесников пришел ко мне, отдал вышеписанное письмо, а сказал, что-де то письмо дал ему, Илюшке, приказные избы сторож Евдокимко Москолин. И я, посмотря того писма, у сторожа Евдокимка Москолина спросил, где он то письмо взял. И сторож указал мне крестьянина и сказал, что то письмо дал ему тот крестьянин. И я того крестьянина велел держать в приказной избе". Вот оно письмо. Разбойное...

— Допросить на месте! — коротко распорядился воевода.

Действие 1. 13 января 1701 г.

Явление 3. ГАЛИЧСКАЯ

ПРИКАЗНАЯ ИЗБА

Показания Ивашки Тимофеева.

"1701-го году, генваря в 13 день в Галиче, — скрипя гусиным пером, трудился Илья Колесников, — в приказной избе перед столником и воеводою, перед Тимофеем Ивановичем Боборыкиным... в роспросе сказася: крестьянин-де столника князь Андрея княж Дмитреева сына Щербатова Галицкого уезду стану Чютцы и Шасклобля деревни Синкова. В про-

шлом-де 1700-м году по весне перед Николаевым днем (9 мая старого стиля — *Авт.*) помещика ево приказной человек Григорей Степанов послал ево, Ивашка, к Москве к помещику х князю Андрею Щербатову для кирпичного дела. И он-де, Ивашко, на Москве заскорбел, и помещик-де ево князь Андрей Щербатой ево, Ивашка, от тое работы отпустил. И он-де, Ивашко, по знакомству пришел к москвитину посадцкому человеку к Андрюшке Борисову сыну Маслову на Пятницкую улицу в приход у Черниговские Богородицы и жил у него, Андрюшки, до Николина дня зимнева (6 декабря ст. стиля — *Авт.*), кормяся Христовым именем. Да у него ж-де, Андрюшки, на подворье жил-де Никишка Самсонов с женою и з детьми, а той-де Никишка родом туленин. И сын-де ево, Никишки, Ивашко дал ему, Ивашку Тимофееву, писмо, написав своею рукою, и велел-де то писмо чести в деревне. И таково ж-де писмо осталось у него, Ивашка Никифорова, а чья-де рука то писмо, которое осталось у него, Ивашка Никифорова, про то-де он не ведает. Толко-де сказывал ему он, Ивашко Никифоров, что то писмо он нашол на монастыре у Черниговские Богородицы, у которой церкви они живут. А хозяин-де ево, Ивашков, Андрейка Маслов про то писмо не ведает. И после-де Николаева дни он, Ивашко Тимофеев, с Москвы пошол домой до Рожества за полторы недели (15 декабря ст. стиля — *Авт.*) и то писмо принес с собою. А как-де то писмо тот Ивашко Никифоров ему, Ивашку Тимофееву, отдал, и в то-де время то писмо чел. И сего ж числа он, Ивашко, пришел в Галич в приказную избу к брату своему сродному, к Мишке Тимофееву и принес ему хлеба, для того, чтоб Мишка сидит в приказной избе за решеткою, а в каком деле, того он, Ивашко, не ведает. И то-де вышеписанное писмо, которое отдал Ивашко Никифоров, отдал он приказной избы сторожу Евдокимку Моколину. А сторож-де то писмо отдал подъячему, а как того подъячего зовут, того он не знает. И тот-де подъячий прочел то писмо, велел ево, Ивашка, держать в приказной избе, а для чего велел-де держать, того-де он, Ивашко, не знает. А грамоте-де он, Ивашко, не умеет".

В тот же день распросные листы ушли в Москву.

Действие 2. 25 января 1701 г.
Москва. РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗ

”Великому Государю Царю и Великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцу, — читал дьяк главе Разрядного приказа Тихону Никитичу Стрешневу, — холоп твой Тимошка Боборыкин челом бьет. В нынешнем, Государь, 1701-м году, генваря в 13 день Галицкой Приказной избы подьячей Данило Копосов, пришел ко мне, холопу твоему, на воевоцкой двор, подав письмо... И я, холоп твой, того крестьянина про то письмо в Галиче в приказной избе роспрашивал, а что он в роспросе сказал, и те ево роспросные речи и подлинное письмо, которое мне, холопу твоему, подал подьячей Данило Копосов, послал к тебе, Великому Государю, к Москве под сею отпискою з Галицким розсылщиком, с Макарком Горбуновым. А крестьянина велел я, холоп твой, держать в Галиче в приказной избе до твоего, Великого Государя, указа, и о том ты, Великий Государь, Царь и Великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержец, мне, холопу твоему, укажешь. А отписку, Государь, и крестьянские роспросные речи и письмо велел я, холоп твой, подать в Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи”. К письму прилагались роспросные речи Ивашки, которые также доведены были до слуха боярина.

По обычаю Тихон Никитич распорядился, чтоб ”записат в книгу сею в приказ по столу и о присылке в Розряд тех посацких людей, которые к тому письму приличились, послать память с росписью, а как присланы, людей тех роспросить”. Однако, подозревая каверзу, решил с письмом подметным ознакомиться самолично.

Исписанное с двух сторон, было оно смутно не столько почерком, сколько смыслом. Не будем гадать, сколь долго пришлось главе Разрядного приказа разбирать темное послание, но последующим путем.

На лицевой стороне читалось следующее:

”Была почта из Пскова. Августа в сем числе явление было всем. Туца добра была на небе, с(н)ех был, велики(й) шум и гром, аки была стрельба ис пушек, и молния великая, да был град великой болшой, в поларшин выпал. А град был розной, иной был в курячье яйцо, а

иной с крылами. И от того было потопу трой сутки, в ызбах окна колола. А после того граду на небесех же в другой ряд был(о) страннее того, и после него стрельба ис пушек и шум великой, и после него был опять град болшой, бил стрелами. А после того граду появились птицы величиною аки утии, а носы у тех птиц с четверть аршина, носы широкие. Тех же птиц многое было множество, плавали по воде велми скоро. И тех птиц побивали много, а иных живых по(д)бিরали много, и те живые птицы померли вскоре”.

Автор, то ли очевидец, то ли пересказчик, — человек грамотный и, скорее всего, старообрядец (вспомним двуперстие). При подробном описании стихийных бедствий, случившихся в Пекове, для подметного письма не хватало здесь главного — толкования их как знаков грядущих бедствий. Так что написанное при всем желании трудно истолковать как подстрекательство.

На оборотной стороне поместились записи другим почерком, адресованные Ивану Тимофееву (”Галичанину”) Ивашкой Никифоровой.

Вот они:

”Ваган деревенской, будан чти хорошенко, а буданы станут с душа. Иван Галиченин, 26-го числа.

Сия почта Ивана Тимофеевича Толпачникова.

Кси, кси и ф(и)та ижица.

По милости Божие.

Ивану Тимофеевичю мир и благословение.

Орехи.

Толк есть в загадке.

Отдася почта в Галиче на гумне, што таково стоит крепко, выситс(я), лапко около ево, мохнато все. Реке плыть, у великом том страсти своя сласть.

Иван Галиченин, выпарся в бане, приеховши.

Да пожалуйте, Ивану Тимофеевич, жалуй нас, убогих, приходи к нам в Москве, как ты изволиш, величае. Тебе челобитье с любов(ь)ю послон(о) и всем твоим сродычам. По веленному челобитью по сем(у) писавы(й) Ивашка Никифоров челобитье”.

”Ваган деревенской, будан чти хорошенко, а буданы станут с душа” — бессодержательный набор жаргонных словечек. Так, в словаре В.И. Даля зарегистрировано бытовавшее на Мологе и Ярославщине диалектное ”ваган”, означающее ”вахлак”, ”мужик”, ”крестьянин”, — одним словом, простофиля; что, в общем-то, вполне соотносится и с характером адресата, и с духом московской компании, в которой Ивашка оказался. Весельчак-посадской явно намеревался поиздеваться над неграмотным крестьянином, предвкусывая, как станет тому известно содержание письма. Во всяком случае, пожелание: ”Иван Галиченин, выпарся в бане, приеховши” — вполне подтверждает такое предположение. Труднее объяснить явление ”будана”. У В.И. Даля это слово приведено в значении ”калмыцкая похлебка”, ”уха с мучной подболткой”, что не совсем вяжется с контекстом фразы.

Затейливое словоплетение придает записке известный колорит, но уж дальнейшее ее содержание вовсе удивительно. Перед нами едва ли не самая ранняя на Руси запись скабрезной загадки об орехе. Имеющая параллели в фольклорных текстах, записанных в XX в., она может быть реконструирована так:

”Гумно таково, стоит крепко, выситс(я), лапко около ево, мохнато все”.

Еще одна фраза — ”Кси, кси ф(и)та, ижица” — также восходит к малопристойной поговорке, зафиксированной В.И. Далем — ”Фита — ижица — плеть (кнут) к жопе близится”⁸.

С этим-то богатством посадского фольклора и пришлось разбираться Разрядному приказу: любая неосмотрительная шутка могла в те времена ста

предметом расследования. Остается гадать, дошло ли и на сей раз до сбора и допроса всех причастных. Никаких более документов, к делу относящихся, не сохранилось. Похоже, однако, что их и не было. Еще 4 мая 1700 г., утомленный вечными разбирательствами по пустякам, Петр I своим указом воспретил подобные иски². А Тихон Никитич Стрешнев, человек ума государственного, в измышлении "измен" проку не видел.

В пользу предположения нашего свидетельствует, кажется, несчастная судьба Данилы Копосова, зачинателя столь многообещающего дела. Не только признания и благодарности не заслужил он своею ретивостью, но и переведен был в том же 1701 году из городских подьячих на прежнее место в галичской Приказной избе...

Иллюстрации Анны Кирилловой

¹ РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Д. 2565. Подлинник. Л. 490-493. На лл. 490 и 492 разрезанная надвое филигрань "герб Амстердама".

² Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1949. С. 299. ОдиБ. Кн. 12. С. 411. № 2665; РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 14941.

³ Ровинский Д.А. Обзор иконописания в России до конца XVII в. М., 1903. С. 144.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С-Пб.-М., 1880. С. 160. В "Словаре русского языка XI-XVII вв." данное слово не зафиксировано.

⁵ Даль В.И. Толковый... Т. I. С. 135. В "Словаре русского языка XI-XVII вв." это слово не зафиксировано.

⁶ Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. Сост. и научн. ред. А. Топоркова. М., 1995. С. 405.

⁷ Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857-1862. Изд. подг. О.Б. Алексеева, В.Н. Еремина, Е.А. Костюхин, Л.В. Бессмертных. М., 1997. С. 505. N 444.

⁸ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. I. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 264.

является его национальным достоянием и ни одна страна не может предъявлять требования об их возвращении. находка мумии вызвала огромный интерес специалистов. Дело в том, что на

голове мумии была золотая корона, а на груди — украшение, пектораль с клинописными надписями на древнеперсидском языке. Как она попала на "черный рынок" и не подделка ли это? Эти вопросы более всего занимают специалистов.

Первыми на помощь были призваны египетские эксперты, имеющие огромный опыт в подобного рода исследованиях. По данным пакистанских специалистов, золотая корона и пектораль, выполнены в египетском стиле. Однако гравированные изображения имеют аналоги в древней Персии. Более того, на саркофаге есть изображения Ахура-Мазды, верховного бога зороастризма — государственной религии Персидской державы.

Согласно предварительным выводам пакистанских археологов, мумия принадлежит 18-летней персидской принцессе, имя которой передано в клинописи как Хор ал Гайан или Тандел Гайан. Пакистанский археолог Ахмед Хасан Дани из Ассамского Университета Исламабада высказал также предположение, что надписи на пекторали и саркофаге могли быть добавлены позднее, когда мумию уже привезли из Египта. Однако эти заключения носят предварительный характер.

В настоящий момент проводится рентгенографическое исследование, призванное ответить на вопрос о причине смерти принцессы. Кроме того, ведется радиоуглеродный анализ стенок внутреннего гроба, саркофага и воска с мумифицированного тела. По сведениям куратора Национального музея Пакистана музея д-ра Асмы Ибрагим, датировка находки основывается на палеографических особенностях надписей и данных радиоуглеродного анализа. Она также сообщила, что группа археологов из Неаполитанского университета проявляет большую заинтересованность в исследовании находки. Участвовать в ней намерены и германские археологи. Кроме того, поддерживаются постоянные контакты со Смитсоновским Институтом в США и Британским музеем.

По данным исследовательницы, предварительное изучение надписей показывает, что они принадлежат к периоду правления персидского царя Ксеркса. Сами надписи сделаны правильно и осмысленно, автор явно не пытался написать что-то от себя, или имитировать какой-либо текст. Несколько грамматических ошибок и необычных слов, могут быть объяснены региональной спецификой. Они не дают оснований усомниться в подлинности находки.

В настоящий момент начались консультации с известным итальянским археологом, профессором Неаполитанского университета Лоренцо Константином. На протяжении многих лет он вел раскопки в Иране. По мнению Константина мумия принадлежала иранской принцессе по имени Родомена, которая умерла

Продолжение на 63 стр.